

Русский герой

Д. СЕРГЕЕВ

Пунцовое солнце неспеша опускалось за Сейм. Тяжелые плотные волны с плеском омывали краснотелое дерево ольхи, что покачивалось на воде возле самого берега. Село от берега отделял заливной луг. По дороге, проложенной через него, шли два человека. Один из них, плечистый и загорелый, был без фуражки. Его спутник казался старше и выше ростом.

— Слышал про Кузьму-то, Сережа?—спросил он.—Говорят нашему сельсовету переходящее знамя дадут. Вот тебе и Кривошеевка!

— Про это я слышал, — отозвался человек без фуражки, — только тут дело-то все не в Кривошеевке, а в самом Кузьме, в нашем председателе, а в твоём брате. Гордись им, милоч, гордись! Светлый он человек!

Люди, идущие через луг, были председателями двух колхозов. Тот, что первым начал разговор, — председателем колхоза «Первое Мая» и братом Кузьмы Архиповича Лиманского, второй — председателем колхоза «Труд Ильича».

— А ведь и в самом деле толков и расторопен твой брат, — заметил он, — за два года сумел столько сделать.

— Брат гораздо не только воевать! И вот ведь скажи: куда его ни поверни — везде он на месте. Пришел с фронта — все разбито, все развалено, здания сельсовета совсем не было, пенел один от него остался. Школы немцы разрушили, стены ведь одни стояли, а сейчас все три школы в полном порядке. Посмотри-ка, как стекла сияют!

В самом деле, вдали полыхали в алых отсветах заходящего солнца стекла высокой школы, недалеко высилось новое здание сельсовета.

— У нас в колхозах, — продолжал говоривший, — все было развалено, скотные дворы сожжены, скот в Германию угнан, а сейчас? Богатеем, брат, и богатеем быстро!

— Ну, уж это все не один Кузьма сделал, тут и наша доля есть. Помогали и мы немало, — задумчиво сказал его собеседник. — Без мира ничего и Кузьма бы не сделал. Миром и саман месили, миром и глину возили, миром и срубы рубили.

— Вишь ведь ты какой, — засмеялся Яков Архипович, — ты бы хотел, чтобы Кузьма все один своими руками смастерил. Нет, дружок, тут главное это все дело обмозговать, а потом, так сказать, в массы спустить. Надо суметь втолковать людям, что без этого, мол, никак невозможно. Надо мир заставить взяться за дело — вот в этом-то и труд. Он, бывало, как с собрания домой придет — так рубаху долой, — мокрая, словно косил, — а ты говоришь мир.

— Нет, что же, я понимаю, все это правильно, из то она и есть организация, тоже понятие имеем, — покусывая стебелек травы примирающе сказал его собеседник. — Брат у тебя, Яша, золотой.

А тот, о ком шла речь, в этот самый час мчался на машине в родную Кривошеевку. В Курске его задержали дела и казалось ему, что без него в сельсовете стали все дела. Над скошенными полями в теплом предвечернем воздухе носились ласточки, почти касаясь грудью земли.

«К дождю должно быть, подумал Кузьма Архипович, к дождю. Оно и надо бы, пожалуй, для картошки. А как все тихо, словно разговаривая сам с собой, думал он. Отдыхает русская наша земля. А давно ли...»

И вот на него нахлынули воспоминания. В пути хорошо думать, легкий ветер овеивает разгоряченное лицо, словно освежает память. И вот представил себе Кузьма Архипович свой долгий боевой путь. Был он под Ростовом, дрался и под Сталинградом, горячо было под городом Калач и под станцией Рычковская, никогда не забудется и Харьковское направление. Здесь под Белгородом сгорел его танк, а в нем два товарища, сам он уцелел чудом, но был тяжело ранен. Ярче сохранила память события, которые связаны с переправой через Днепр. С этой рекой Кузьму Лиманского навеки связала страшная память.

Светлые, песчаные берега Днепра политы кровью его и его товарищей. В памяти встал страшный бой под Сумами, во время него был убит командир взвода. По приказу начальства Лиманский принял пулеметный взвод. Так и прошел он с этим взводом до самого Днепра.

Однажды утром его вызвал к себе командир батальона и приказал взять трех бойцов, захватить гранаты с автоматами, подплыть на лодке к берегу, занятому противником, и разведать место нахождения его огневых точек. Это было в сентябре. Стоило только Кузьме Архиповичу вспомнить этот день, как перед его глазами начинали качаться окваченные пламенем осени ветви орешника и бересклета. Они ползли, прячась в траве, ажурные папоротники скрывали их от неприятеля, среди них было легче ползти к цели.